

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ И ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ)

В статье рассматривается взаимодействие временных и итеративных аспектуальных значений в шорском языке. Описаны лексические средства выражения аспектуальных и временных отношений, синтаксическая обусловленность употребления временных форм.

Ключевые слова: аспектуальное значение, итертив, хабиуталис, временные формы, обстоятельственные слова, шорский язык.

Актуальность обращения к теме аспектуальности и способов ее выражения в шорском языке обусловлена тем, что, несмотря на активное изучение грамматики, полного описания шорской категории аспектуальности все еще нет. Отдельные аспекты этой темы, раскрыты в монографии И. В. Шенцовой [1997] и затронуты в учебном пособии Н. Н. Курпешко и Н. Н. Широковой [1991].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, что некоторые аспектуальные значения базируются в шорском языке не только на специальных средствах выражения, но и на других грамматических и лексико-синтаксических средствах, формирующих синтаксическую парадигму элементарного простого предложения. В качестве грамматических средств выступают временные формы, что доказывается возможностью их употребления с соответствующими обстоятельственными словами.

В последнее время ученые все чаще подчеркивают мысль о том, что аспектуальность – это семантическая категория, и поэтому аспектуальные значения не выражаются «в чистом виде», а соединяются с грамматическими, лексическими и синтаксическими элементами [Белошапкова, 2008. С. 7–8].

В качестве предмета исследования были выбраны три временные формы шорского языка: настоящего на *-ча* (*-чар*), недавно-прошедшего на *-ды* / *-ты* и «прошедшего-будущего» на *-чаң* / *-чең*, значения которых соотносятся с итеративными значениями количественного аспекта.

Итератив обозначает, что описываемая в предложении ситуация действительности «полностью повторяется через определенные промежутки времени, с той или иной периодичностью: один раз, часто, редко, регулярно и т. п.» [Плунгян, 2000. С. 295]. Понятию итератива соответствуют в традиционной русистике такие частные значения несовершенного вида, как неограниченно-кратное и ограниченно-кратное [Бондарко, 1971. С. 27, 31], которые выражаются особым классом глаголов несовершенного вида с семантикой многократного способа действия [Бондарко, Буланин, 1967. С. 21, 24]. К ним относятся глаголы с суффиксами *-а* (*капать*), *-ыва-* / *-ива-* (*говаривать*), с приставкой *вз-* / *вс-* и суффиксом *-ыва-* / *-ива* (*вскрикивать*), а также глаголы, не обладающие какими-то морфемными признаками, а примыкающие к данному способу действия лишь по своему лексическому значению (*рубить*, *трясти* и пр.).

Данное аспектуальное значение опирается и на временные формы. А. В. Бондарко, характеризуя категорию темпоральности, обращает внимание на то, что она «перекрещивается с аспектуальностью» [1971. С. 6], поэтому называет глагольные формы видо-временными, подчеркивая тем самым взаимодействие вида и времени как самостоятельных, но связанных друг с другом категорий.

В шорском языке многократное аспектуальное значение соотносится с формами настоящего простого времени на *-ча* (*-чар*) и прошедшего простого на *-ды*. Процесс перехода вспомогательного глагола *чат-* во временной синтезированной форманте *-(н)ча* охарактеризован в научной литературе [Грамматика алтайского языка, 1869 (2005). С. 71; Дыренкова, 1941. С. 193; Гаджиева, Серебренников, 1986. С. 86; Курпешко, Широбокова, 1991. С. 29]. О происхождении аффикса *-ды* существует несколько точек зрения, которые подробно представлены в монографии А. М. Щербак [1981. С. 78]: одни ученые считают, что он восходит к вспомогательному глаголу *тур-* (В. В. Радлов) либо *i-* (А. Казем-Бек), другие к аффиксу принадлежности 3-го лица (А. Н. Кононов), большинство же возводит данную форму к имени действия, субстантивному или адъективному (О. Бетлинг, П. М. Мелиоранский, Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебренников и А. М. Щербак) [Там же].

Значение повторяющегося действия у временных форм возникает в результате «взаимодействия грамматических и лексических элементов темпоральности» [Бондарко, 1971. С. 67]: грамматическое значение формы реализуется в контексте как значение повторяющегося действия; «лексические же показатели темпоральности сообщают дополнительную информацию о том, что действие» не прикреплено к какой-то точке или к одному определенному отрезку настоящего [Там же. С. 67, 69].

В шорском языке итеративное значение временной формы определяется такими обстоятельственными словами, как *kön* ‘много, часто’; *пир-пир темде* ‘иногда’; *пиреде* ‘иногда’; сочетаниями знаменательного и служебного слова *сая / сайя / зая / зайя*, например:

Чайын нагбур көп чагды [Дыренкова, 1941. С. 69] ‘Летом дождь часто идет’; *Нагбур сузу күн сайа ұр тўштити* [Фольклор шорцев, 2010] ‘Дождь каждый день лил’; *Аңчылар пиреде атиак өдүрдилер* [Дыренкова, 1941. С. 229] ‘Охотники иногда медведя убивали.’

Одним из значений итератива является **хабитуалис**, в грамматическую семантику которого входит описание регулярно повторяющихся ситуаций, привычных действий, становящихся характеристиками свойств субъекта. Его основной содержательной особенностью является то, что «появление у динамической ситуации хабитуального осмысления автоматически превращает ее в нединамическую (т. е. в описание «свойства», а не процесса)» [Плунгян, 2000. С. 295].

Как показывает наш материал, хабитуальные значения опираются в основном на две временные формы шорского языка: на настоящее время *-ча* (*-чар*) и на «прошедшее-будущее» время *-чаң / -чең*.

Настоящее время на *-ча* (*-чар*) широко употребляется в одноактантных предложениях, в которых реализуется два значения.

1. Значение обычного, постоянного обобщенного действия, способности или свойства, характеризующих живые и неживые предметы. В них показатель *-ча* (*-чар*) выражает неопределенное, неконкретное значение настоящего времени, не относящееся к определенному моменту речи и не зависящее от другого действия. В русском языке в подобных предложениях тоже преобладает настоящее несовершенное время, которое выражает значение «настоящего потенциального» с оттенком способности, умения [Бондарко, 1971. С. 71]. Подразумевается способность делать что-то вообще, а не в момент речи: *Он курит*; *Она хорошо вяжет* и т. д. В русском языке потенциальное значение настоящего времени близко к неограниченно-кратному значению несовершенного вида, но обладает дополнительным модальным признаком действия, возможным в любой момент. То же самое наблюдается и в шорском языке:

Ошкү сүсча ‘Коза бодается’; *Үргедигчи үргетча* ‘Учитель учит’; *Кижилербе аңкуштарба агаштар агрыпчалар* ‘Люди, звери, деревья болеют.’

2. Второе значение настоящего времени в одноактантных предложениях соответствует, по нашему мнению, русскому «конкретно-процессному» значению несовершенного вида [Бондарко, Буланин, 1967. С. 55]: действие, представленное как развивающийся и длящийся процесс, происходит в определенный отрезок времени, на который указывают различные лексические элементы: *соньнда ... алында* ‘с ... по’; *ол (но) шенде* ‘в то (это) время’; знаменательные слова в форме местно-временного падежа, а также сочетания знаменательных слов с послелогом *тöөнче* ‘до’ (N_{ABL} + N_{DAT} тöөнче), *пее-ре* ‘с, со’ (N_{ABL} пее-ре), *шыгара* ‘в течение’ (N_{DAT} шыгара). Например:

Октябрьдиң соньнда – ноябрьдиң алында күзегей чаныннаң соок салгын шапча [Чиспияков, 1992. С. 110] ‘С октября по ноябрь с севера холодный ветер дует’; *Эртеннең карагыы (карагыга) тöөнче куштар көгleshчалар* [Дыренкова, 1941. С. 235] ‘С утра до ночи птички поют’; *Кечегидең пее-ре узупча* [Там же] ‘Со вчерашнего дня спит.’

Форма недавнопрошедшего времени на *-ды / -ты* возможна в этом значении, если сфера действия ограничена рамками прошлого и не прикреплена к определенному периоду, например:

Аңчы адайба үш күнге шыгара тептеген чөрди [Там же. С. 104] ‘Охотник с собакой в течение трех дней напрасно ходил (т. е. охотился)’.

В многоактантных предложениях аффикс *-ча* в основном реализуется в своем втором значении настоящего времени, т. е. указывает на обычное, повторяющееся обобщенное действие, не локализованное во времени:

Ноо, алында-пурунда, не знаю қайдығ аймақта полган, қаттар честеқке чөрчаттырлер. Чайгыда эзе, честеқке чөрчалар, но, чыылыжбал честеқке партырлар [Фольклор шорцев..., 2010. С. 302] ‘Ну, давным-давно, не знаю, в каком селе было, женщины за ягодой пошли. Летом, эзе, (всегда) за ягодой ходят, ну, собравшись за ягодой пошли’.

Слова *всегда* нет в оригинале, но оно подразумевается, так как речь идет о действии, регулярно происходящем в это время года.

Обычность обобщенного действия в настоящем времени подчеркивается также употреблением форм 3-го л. мн. ч. в неопределенно-личном значении:

Агаштар аразынга торбас салчалар [Чиспияков, 1991. С. 66] ‘Между бревнами мох кладут (всегда, когда строят дом)’; *Чостарды тартқыба айгылапчалар* [Там же] ‘Деревянные плахи (тес) рубанком строгают.’

Благодаря значению обобщенного действия, настоящее время на *-ча* часто используется в пословицах и поговорках:

Чабал адай күндүс урча ‘Плохая собака лает только днем’; *Пай кижиниң малы өлең оттапча, чок кижиниң малы тобырақ чалгапча* ‘Скот богатого человека траву ест, скот бедного человека землю лижет’.

Перейдем к анализу «прошедшего-будущего» времени на *-чаң / -чең*. Как отмечают Н. П. Дыренкова [1941. С. 184] и вслед за ней Э. Ф. Чиспияков [1992. С. 82], значение этой формы – «обычность, повторность действия, необходимость совершения действия (“бывает”, “совершается вообще”, “обыкновенно”, “будет обязательно”, “было обычно”). Эта форма употребляется для выражения действия, которое имело место в прошлом, которое было обычно и повторялось много раз» [Дыренкова, 1941. С. 185].

Наш материал показывает, что, вопреки утверждению Э. Ф. Чиспиякова о том, что «время на *-чаң* выражает <...> действие обычное, вообще присущее субъекту, без строго отнесения к какому-либо времени» [1992. С. 82], в предложениях могут присутствовать слова, привязывающие действие к какому-то определенному времени или указывающие на временные рамки:

Кан тужында тайгада шорлар часкыда аштачаңнар [Дыренкова, 1941. С. 186] ‘В царское время в тайге шорцы весной обычно голодали’.

Обычно аффикс *-чаң / -чең* используется, чтобы выразить постоянное или обычное действие в прошлом, поэтому чаще всего встречается в фольклорных текстах и рассказах о прошлом. Реже обозначает постоянное и обычное действие в настоящем (обычно в пословицах и поговорках). Если действие относят к будущему времени, эта форма обозначает необходимое, обязательное действие. Приведем примеры предло-

жений в прошедшем, настоящем и будущем времени:

Томазактың пайлары таныш кижилерге, туган кижилерге садыжарга ақча пер-чеңнер. Пеш чус селковыйдең, уш чус селковыйдең тиң, албыга, қолэнақ аларга пер-чеңнер. Ол кижилерди сагайга – сагай черинге тўк мал аларга ысчаңнар. Кошта черлерде постары пайлар чөреп чыгчаңнар. <...> [Дыренкова, 1941. С. 300] ‘Мысковские богачи знакомым людям, родным людям, чтобы торговать, деньги давали. По пятьсот целковых, по триста целковых, чтобы белку, соболя, колонка брать, давали. Тех людей в Сагаи – Сагайскую землю – пушнину брать посылали. В близких землях сами богачи ходили (и) собирали (пушнину)’; *Киик палазы тўктўг полчаң, кижии палазы аттыг полчаң* [Дыренкова, 1941. С. 186] ‘Детеныш козули (обычно) бывает с шерстью, ребенок человека (обычно) бывает с именем’; *Ол алыптың колына кирген кижии по черге катнап паспачаң* [Там же] ‘Человек, который в руки того богатыря попал, по этой земле больше не ходит (можно: ходить непременно не будет)’; *Парчаңмыс* [Там же. С. 187] ‘Мы обязательно поедим’.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что шорские формы настоящего времени на *-ча (-чар)* и недавно-прошедшего на *-ды / -ты* взаимодействуют с аспектуальными значениями. Такое явление наблюдается и в русском языке, где соотношение значений аспектуальности и темпоральности – уже доказанный факт. Третья форма «прошедшего-будущего» времени на *-чаң / -чең* не имеет аналогов в русском языке. Ее значение очень близко к аспектуальному: она используется для обозначения обычного, повторяющегося действия или состояния в прошлом или настоящем.

Возможность передавать повторяемость и обычность событий заложена в грамматическом значении описанных временных форм: они обладают признаком нелокализованности во времени, т. е. временные формы на *-ча, -чаң, -ды* выражают неактуальное время без указания на отнесенность действия к моменту речи. Это соответствует русскому настоящему несовершенному или прошедшему несовершенному времени. В одноактантных предложениях формы на *-ча* обозначают настоящее потенциальное с

оттенком способности и умения. В одноактантных и многоактантных предложениях временные формы на *-ча* и *-ды* выражают действие повторяющееся или обычное.

Однако значения итератива и хабитуалиса не являются для временных форм на *-ча* и *-ды* основными. Это легко доказывается тем, что в выражении данными временными формами повторяемости и обычности действия участвуют различные элементы контекста: обстоятельства, слова и конструкции с обстоятельственным значением, грамматическая форма 3-го л. мн. ч. Временная форма настоящего-будущего времени на *-чаң* менее подвержена влиянию контекста: она может передавать обычность и повторяемость действия или состояния и без обстоятельственных слов, что, на наш взгляд, свидетельствует об аспектуальном характере значения этой формы.

Список литературы

- Белашанкова Т. В.* Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 40 с.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление): Моногр. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол: Пособие для студентов и учителей / Под ред. Ю. С. Маслова. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1967. 192 с.
- Гаджиева Н. З., Серебрянников Б. А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис: Моногр. / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1986. 284 с.
- Грамматика алтайского языка / Сост. членами алтайской миссии. Казань: В университетской типографии, 1869. Репринтное воспроизведение издания. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 640 с.
- Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
- Курпешко Н. Н., Широбокова Н. Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одур, -п тур, -п чөр* в шорском языке: Учеб. пособие. Кемерово, 1991. 75 с.
- Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику: Учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. А. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с.

Чистяков Э. Ф. Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1992. 318 с.

Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 148 с.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол): Моногр. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 183 с.

Материал поступил в редколлегию 05.11.2011

V. M. Telyakova

**REGARDING THE INTERACTION OF CERTAIN ASPECT AND TEMPORAL RELATIONS
IN THE SHOR LANGUAGE (COMPARED TO THE RUSSIAN LANGUAGE)**

The article reveals the interaction between temporal and iterative aspect meanings in the Shor language. The author investigates into lexical means of expression of aspect and temporal relations, as well as the syntactic conditionality of the usage of tenses.

Keywords: aspectual meaning, iterative, habitualis, temporal forms, adverbial modifiers, Shor language.